

Е Цзы стоял у ворот главного особняка и сквозь кованую решётку смотрел на роскошное, внушительное здание в старинном стиле. Его чувства были сложными. Вскоре к нему вышли слуги, поприветствовали и назвали молодым господином, совсем как в былые времена. Они прошли сквозь тенистую зелень, через мостик над прудом, мимо скульптур и искусственных холмов и, наконец, вошли в холл, откуда поднялись по винтовой лестнице.

Прошло уже десять лет: обстановка в доме сильно изменилась и каждый уголок пробуждал в Е Цзы детские воспоминания. Он помнил, как рисовал на этих французских окнах; как строил замки на огромном ковре в гостиной; как сидел на мягком диване, получая похвалу от отца; как падал на этой винтовой лестнице; как прятался за шторами, слушая яростные ссоры родителей; как стоял за спинкой дивана и смотрел, как Е Чэнси первый раз входит в дом, держа отца за руку.

После того как они с матерью уехали, Е Цзы однажды пробрался сюда один, стоял в холле и кричал: «Папа! Папа!». Слуги выволокли его наружу, вытолкали за ворота, и он упал в грязь, словно брошенный бездомный котёнок. Он бесчисленное количество раз спрашивал себя: почему отец не выбрал его? Почему? Ведь он так старался, так прилежно учился... Неужели только потому, что он не родной по крови?

Погружённый в эти мысли, он оказался перед дверью отцовского кабинета и постучал.

— Войдите.

Услышав голос, он открыл дверь. Яркий свет ударил в глаза. Привыкнув к освещению, через несколько секунд он увидел мужчину в инвалидном кресле, который с улыбкой смотрел на него. Улыбка была такой доброй, такой мягкой, что у Е Цзы снова защипало в носу. Как давно он не видел такого выражения лица?

Теперь Е Чэн уже мог говорить, но его голос был очень хриплым и тихим. Ноги, долгое время находившиеся без движения, ещё не восстановились и безжизненно, словно декорация, покоились на кресле.

— Иди сюда, дай я на тебя взгляну, — поманил его Е Чэн.

Е Цзы подошёл. Е Чэн своей сухой, шершавой рукой взял руку Е Цзы и спросил:

— Какой у тебя рост?

— Метр семьдесят пять.

— Такой высокий... Помню, когда ты был маленьким, едва доставал мне до груди. Время летит так быстро, ты стал совсем взрослым.

— Мгм.

— Помнишь, в детстве ты больше всего любил читать в этом кабинете? Иногда я не мог тебя найти, сердился, просил дворецкого отыскать тебя, а в итоге обнаруживал, что ты свернулся калачиком под моим столом и спишь с книжкой в обнимку.

— Помню...

— И своё имя ты впервые написал тоже в этой комнате. Я тогда задремал, а ты разбудил меня криком: «Папа! Папа!». Когда я увидел те кривые каракули, которые ты написал, подумал, что сплю.

— Потом вы показали эти иероглифы своим друзьям.

— Ха-ха, не удержался, хотелось похвастаться. Тебе ведь тогда было всего два с лишним года.

Слушая отца, Е Цзы испытывал смешанные чувства. Кролик был прав: он ненавидел этого человека. Когда этот мужчина игнорировал его, бросил, когда над его матерью издевались, —

он ненавидел приёмного отца до глубины души. Но реальность такова, что нежность этого человека всё ещё могла мгновенно растрогать его. Если и оставались какие-то сомнения, то они окончательно исчезли, когда этот мужчина сказал: «Я верю в тебя, поэтому выбираю своим наследником».

Настроение Е Цзы становилось всё лучше и лучше, его мир озарился светом. Одна фраза эхом повторялась в его голове: «Отец выбрал меня! Он выбрал меня! Выбрал меня!» Е Цзы был счастлив, невероятно счастлив. Постепенно, слушая речи Е Чэна, он начал представлять себе прекрасное будущее. Он сможет учиться у правой руки Е Чэна, попадёт в элиту делового мира, сможет управлять компанией отца. Через несколько лет начнёт ездить в командировки, посещать крупные мероприятия, его связи расширятся, а социальный статус поднимется... Он, Е Цзы, превратится в совершенно другого человека с блестящим будущим... Он был так счастлив, что выбросил таблетки, которые дал ему Кролик, в унитаз, полностью отказавшись от плана убийства.

В тот день они проболтали до самого вечера. Е Чэн очень хотел, чтобы Е Цзы остался, но тот вежливо отказался. Перед уходом Е Чэн насильно вручил ему ноутбук Apple, сказав, что там много книг по экономическому управлению, контакты важных людей, последние планы компании и так далее. Он надеялся, что Е Цзы внимательно всё изучит, и в следующий раз они смогут это обсудить.

Принеся ноутбук домой, Е Цзы обнаружил в сумке для компьютера ещё и банковскую карту, на которой был приклеен стикер с надписью: «Пароль — твой день рождения. Отец». Об этом Е Цзы первым делом рассказал матери. Хань Яо разрыдалась в трубку и сказала:

— Он наконец-то признал тебя, а-Цзы! Тяжёлые дни закончились, мама так рада за тебя!

Когда Е Цзы упомянул, что Е Чэн не хочет, чтобы он общался с Чэнси, и назвал Чэнси дьяволом, Хань Яо отреагировала довольно эмоционально:

— В этом твой отец прав! Я давно хотела тебе сказать: не встречайся больше с этим ребёнком... Хоть так говорить и нехорошо по отношению к нему, ведь его испортили семья и окружение, но... с ним правда что-то не так. Его взгляд... сначала кажется мягким, но на самом деле в нём нет ни капли улыбки, это просто ужасно. Насколько же чёрной должна быть душа человека с таким взглядом? Кстати, он и в детстве был пугающим: ломал игрушки, убивал мелких животных, а ещё, стоило тебе привести одноклассников, замолкал. Помнишь, как он изрезал одежду твоего друга?

— Припоминаю.

— Кстати, а-Цзы, давно хотела спросить...

— Что такое?

— Где ты сейчас живёшь? Ты ведь... живёшь вместе с этим парнем?

Е Цзы не знал, что ответить.

— Неужели я угадала? А-Цзы! Съезжай оттуда немедленно! Я всегда думала, что вы просто иногда пересекаетесь. Кто близок к киноvari — краснеет, кто близок к туши — чернеет... Ты ведь понимаешь этот принцип? Эх, почему ты вообще стал жить с ним?

— У него очень большой дом, Чэнси говорил, что ему одиноко, поэтому я...

— Ох, съезжай скорее. Слушайся родителей, мы тебе зла не желаем.

— Мгм, я знаю.

В тот день, когда Е Цзы вернулся в особняк, было уже одиннадцать вечера. Сквозь шторы в комнате было темно, лишь сквозь щели окна, танцуя на мягком бежевом ковре, просачивался тусклый свет улицы. Тюль колыхался, в воздухе витал лёгкий аромат цветов.

Не включая свет, Е Цзы заметил человека, сидящего на диване. Кролик был неподвижен, словно труп. Только когда Е Цзы включил свет, он слегка шевельнулся и хрипло спросил:

— Ты вернулся?

— Почему не идёшь спать?

— Ждал тебя.

Сказав это, Кролик поднялся. В этот момент сердце Е Цзы бешено заколотилось. Он начал нервничать. На самом деле, он очень боялся, что Кролик спросит его, использовал ли он яд, убил ли отца. Чтобы скрыть тревогу, Е Цзы вышел на кухню.

— Голоден? Сварить тебе лапши? — тихо спросил Кролик, следуя за ним.

— Нет, просто выпью воды.

— Вот как. — Кролик подошёл и обнял Е Цзы сзади, положив подбородок ему на плечо. Его дыхание было ледяным, а объятия заставили Е Цзы почувствовать беспокойство. — Что ел на ужин?

— Да так, перекусил немного...

— О, было вкусно?

— Нормально.

— Ха-ха, понятно.

Сердце Е Цзы билось всё быстрее. Его мучила совесть, даже выступил холодный пот. Он вдруг почувствовал себя ужасно виноватым перед Кроликом. Ведь вчера вечером он не отверг его предложение, а сегодня провёл весь день, беседуя с отцом, радовался его выбору, выбросил таблетки в унитаз, принял подарки и рассказал обо всём матери... Он... То, что он делал... это ведь предательство по отношению к Кролику, не так ли? Если Кролик узнает, он рассердится? Придёт в ярость? Заплачет? Он...

Однако Кролик не стал расспрашивать дальше. Он отпустил его.

— Тогда пойду спать. Спокойной ночи, а-Цзы.

Сказав это, Кролик ушёл.

Слушая удаляющиеся шаги, Е Цзы наконец успокоился. Он постепенно перестал понимать, почему так волновался. Кролик дал ему семь дней, а сегодня прошёл только первый... Ах, нет, если он не хочет убивать отца, достаточно просто сказать Кролику об этом, ведь так? Он простит его? Согласится с ним? А потом... потом Е Цзы просто съедет отсюда, как советовала мама... уйдёт от него.

Но согласится ли Кролик? Вряд ли, да? Кто знает... В любом случае, сначала нужно сказать Кролику, что он не хочет убивать отца. Так думал Е Цзы, принимая душ.

Выйдя из ванной, он решил немедленно сообщить Кролику о своём решении, но тот уже спал. Он лежал на боку в большой кровати, неподвижный, дышал ровно, даже ресницы не дрожали. Е Цзы, глядя на него, опустил на кровать и в итоге заснул, так ничего и не сказав.

Неделя пролетела очень быстро. В течение этих семи дней Е Цзы почти каждый день бывал в отцовском особняке. Познакомился с правой рукой отца и несколькими представителями бизнес-элиты. А с двоюродным братом, которого не видел больше десяти лет, сходил на большой музыкальный концерт, приобщившись к искусству. Брат также пригласил его на следующей неделе поиграть в гольф. Отец заказал для Е Цзы несколько костюмов и попросил друга на следующей неделе отвезти Е Цзы выбрать машину, сказав, что нужно купить автомобиль, соответствующий статусу семьи Е.

Его жизнь действительно стала совершенно не такой, как прежде. Казалось, каждый день наполнен надеждой, каждый день — светлый. Он то и дело думал, как признаться Кролику. Но каждый раз, видя его, не мог вымолвить ни слова. У него было чувство, что, стоит сказать это вслух, и слова станут официальным признанием того, что он выбрал сторону отца. Кролик окончательно сойдёт с ума, и их отношениям придёт конец. Он боялся этого, стал нерешительным и тянул время.

Поначалу, возвращаясь домой каждый вечер, он очень нервничал, боясь, что Кролик спросит о прогрессе. Но Кролик ничего не спрашивал, словно напрочь забыл о своей просьбе убить. Е Цзы убедил себя, что Кролику действительно стало всё равно. Когда неделя истекла, а Кролик так ничего и не спросил, Е Цзы избавился от груза на душе.

Конечно, это был самообман.

Вечером 15 августа Е Цзы вернулся домой после работы. Он уже договорился с другом отца, дядей Ваном, поехать смотреть машину утром 16-го. Грядущее событие вызывало у него неподдельный восторг: какой мужчина не мечтает о собственной дорогой машине? Е Цзы думал, что пора увольняться. После этого он будет учиться в компании отца и заодно сдаст на права — как замечательно!

Однако 16 августа он проспал до вечера и проснулся с головокружением и лёгкой тошнотой. Первым делом, проснувшись, посмотрел на телефон. Как и ожидалось, экран был забит пропущенными звонками и сообщениями. От дяди Вана было три сообщения и четыре пропущенных вызова. Кроме того, было около десятка звонков от мамы.

Е Цзы не верил глазам. У него всегда были очень точные биологические часы, он просыпался ровно в семь утра. Как он мог проспать до самого вечера?! Попытался позвонить дяде Вану, но обнаружил, что звонок не проходит! Проверив телефон, он понял: нет сигнала. Как так?

Е Цзы включил свет, встал, но в глазах потемнело — он действительно чувствовал себя неважно. На прикроватной тумбочке стояли еда и фрукты, очевидно, приготовленные для него Кроликом. Е Цзы подумал: «Может, у меня жар, и поэтому я просто отключился?»

Он направился к двери, попытался открыть её, но обнаружил, что дверь приоткрывается лишь на пять-шесть сантиметров и дальше не поддается. Сломалась? Пока Е Цзы недоумевал, он увидел приближающегося Кролика. Тот был в тёмно-синей пижаме, высокий, с бледной кожей. Светлые, чуть длинноватые волосы наполовину закрывали глаза. Он прислонился к стене с тёмными узорами, склонил голову и уставился на встревоженного Е Цзы. В руке он держал складной нож. Он играл с ним, со щелчком раскрывая и закрывая. В воздухе мелькал серебристый блеск лезвия.

— Проснулся, а-Цзы? — голос его был мягким.

— Дверь сломалась, не открывается.

— О? Не открывается? Странно, только что всё было нормально.

— Почему ты меня не разбудил? Я проснулся, а уже вечер, пропустил столько дел!

— Прости, ты так крепко спал, было жаль тебя будить.

— Скорее помоги мне открыть дверь.

Но Кролик вдруг приложил указательный палец к губам, произнёс: «Тс-с» и сказал:

— Кто-то пришёл.

Е Цзы прислушался. И правда, снаружи кто-то стучал в дверь, и стук становился всё громче. Потом стук прекратился, и человек снаружи закричал. Голос был громким и звонким, даже Е Цзы отчётливо его слышал. Невероятно! Это была мать Е Цзы, Хань Яо! Почему она пришла сюда? Как узнала об этом месте?

— Е Цзы! Е Цзы! Ты там?! Ты ведь точно там! Открывай скорее! Это мама, открывай!

Е Цзы в панике закричал:

— Быстрее открой ей!

Кролик, услышав это, изобразил полное недоумение:

— Зачем?

Е Цзы изо всех сил дёрнул дверь и повысил голос:

— Если не откроешь, я сам пойду! Да что с этой дверью, заклинило, что ли?! Помоги открыть!

Кролик неторопливо подошёл к Е Цзы и взялся за дверную ручку. Однако не толкнул дверь, а лишь посмотрел на Е Цзы сверху вниз своими светлыми глазами, словно знал всё наперёд:

— А-Цзы, в этом месяце ты виделся с ней дважды или трижды? М?

Е Цзы начал злиться:

— Что ты имеешь в виду?!

— Так любопытно, о чём вы говорили? А, знаю. Она просила тебя уйти от меня, верно? Мгм, говорила, что со мной что-то не так, что я страшный, верно? Велела тебе съехать, да?

Глаза Е Цзы широко раскрылись:

— Ты снова следил за мной?! Ты, блять, опять поставил мне жучок?!

— Ну как же так можно...

Стук в дверь стал ещё громче. От этого звука становилось страшно. Е Цзы начал изо всех сил дёргать дверь, но она не поддавалась. Его дыхание участилось, глаза покраснели, и он прорычал:

— Это ты сделал, да? Специально заклинил дверь! Чего ты, чёрт возьми, добиваешься? Чего хочешь?!

Кролик опустил ресницы, левой рукой продолжая ловко играть острым ножом, на его губах играла ледяная улыбка:

— Чего хочу? Всё очень просто. Я же говорил: всего лишь устранить все препятствия. Ах-ах, эта женщина такая шумная.

Е Цзы испугался. Только что он хотел, чтобы Кролик открыл, а теперь боялся этого. Вдруг Кролик причинит вред его матери! Его голос слегка задрожал:

— Умоляю тебя, мама ничего не знает, не надо...

Стук в дверь был слишком громким, он заглушал голос Е Цзы. Кролик нетерпеливо с резким щелчком спрятал лезвие ножа. Он поднял глаза, уставился на Е Цзы своим светлым, леденящим душу взглядом и тихо произнёс:

— Кто просил её мешать нам? Ничего не поделаешь, придётся с ней разобраться.

С этими словами дверь перед Е Цзы с грохотом захлопнулась и была заперта снаружи. Яростный стук Хань Яо стал глухим и нереальным. Е Цзы осел на пол, лишившись сил.

Когда раздался звук открываемой входной двери, пальцы Е Цзы зарылись в волосы. Его обескровленные губы шевелились, беззвучно повторяя одно и то же:

— Е Чэнси, не заставляй ненавидеть тебя.

<http://bllate.org/book/14916/1582431>